

УДК 94(47).04

А.И. Папков¹

«Фронтир» или «украина»: два подхода к изучению истории российской колонизации Днепро-Донской лесостепи в XVI–XVII в.

Российское царство; Юг России; Днепро-Донская лесостепь; Крымское ханство; Речь Посполитая; порубежье.

В статье рассматривается процесс расширения государственной территории России в южном направлении, происходивший в XVI–XVII вв., и сравниваются возможности использования различных терминов для описания этого процесса.

Теория фронта, предложенная американским ученым Ф. Тернером, использовалась им для объяснения особенностей образования американского государства, его общественного строя и менталитета граждан [24]. В российской историографии концепция фронта использовалась при рассмотрении истории Сибири [1; 6; 10; 15; 22; 23; 26]. Ряд американских исследователей используют термин фронт при изучении истории Юга России [29; 30; 31].

В отечественной исторической науке сложилось два подхода к

---

¹ Папков Андрей Игоревич, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (РФ, Белгород), к.и.н., papkov@bsu.edu.ru.

трактовке фронта. Первый подход концентрируется на территориальном аспекте [15]. М.В. Шиловский выделял три вида сибирского фронта: внешний, внутренний и внутрицивилизационный [28]. Сущность второго подхода – фронт – это «зона особых социальных условий, а не граница территории» [8, с. 77]. По мнению А.С. Хромых, современное представление о фронте значительно отличается от выдвинутого Тернером определения, согласно которому фронт – это точка встречи дикости и цивилизации, где происходит взаимодействие между колонизаторами и местным населением, результатом которого является формирование основания нового общества, «...можно определить фронт как некоторую зону особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций, приводящих к формированию нового общества или сообщества» [27, с. 112]. Таким образом, фронт трактуется как зоны экономического, социального, политического и культурного взаимодействия пришлого населения с местными народами, в результате которого происходит становление нового, нередко локального, сообщества.

В России термину «фронт» существовала альтернатива – «колонизация». Колонизация – это в первую очередь процессы заселения и освоения, включающие в себя взаимодействие жителей и административное вхождение новой территории в состав государства.

Со времени образования Российского государства, после присоединения к нему земель Рязанского княжества и Северной земли, вдоль южной границы страны возникла территория, имеющая ряд отличий от основной территории государства. В российских источниках XVI в. отдельные ее части называются по-разному: «северские города», «рязанские города», «украинные города», «города от польской украины»; позже, с основанием городов на территории Поля, появляются «польские города» [6, с. 20–21]; после возведения Белгородской черты, составители документов в качестве географического ориентира стали использовать понятие «черта», употребляя понятия «города на черте», «города в черте», «города за чертой». Имеющиеся источники позволяют говорить, что современники воспринимали южные приграничные уезды как некое единое целое, обладающее спецификой в сравнении с остальной территорией государства. Однако единого термина для обозначения этой территории не было [18; 19]. Использование ряда упомянутых терминов эпохи требует от исследователя каждый раз оговаривать, о какой конкретно местности идет речь, поскольку, по мере продвижения границы на юг, один и тот же термин в различные хронологические периоды мог обозначать разное

географическое пространство. С другой стороны, весьма специфические названия – «польские города», «украинные города» – понятны лишь узкому кругу специалистов [25, с. 379; 6, с. 19].

Помимо терминов, взятых из исторических источников, в литературе принято употреблять понятия, введенные историками: «порубежье», «пограничные уезды», «приграничные уезды». Использование термина «порубежье» связано с некорректностью применения по отношению к окраинным территориям XVI–XVII вв. понятия «граница», которое подразумевает, как правило, четкое определение государственной принадлежности смежных территорий. В рассматриваемом случае государственные границы не были маркированы до второй половины XVII в. Следует обратить внимание на то, что термин «порубежье» использовался применительно к рассматриваемым регионам [21, с. 135], но в современном русском языке осталось слово «рубезж», а «порубежье» исчезло [14, с. 709].

Указанные обстоятельства послужили причиной привнесения в терминологию понятия «фронтир», которого нет в источниках. Применительно к Югу России этот термин был введен сравнительно недавно [4; 5; 9; 12; 16; 17; 20]. Внедрение нового термина, изначально описывающего явление, находившееся на другом континенте; термина, позаимствованного у зарубежной историографии – приводит к тому, что разные исследователи вкладывают в него различное содержание.

В последнее время была произведена попытка рассмотреть историю заселения лесостепи и степи юга России с точки зрения фронта, в результате было сформулировано следующее видение данного концепта [13]: фронтир – это территория, которая: а) примыкает к границе государства и б) по ряду признаков отличается от остальной территории данного государства, включая другие приграничные территории.

К особенностям южного фронта России можно отнести следующие:

- в основе массового переселения людей на новую территорию лежала государственная политика;
- присоединяемой к России и колонизируемой территорией было Поле, где не было оседлого аборигенного населения, однако через эту территорию пролегали пути нападений на Российское государство крымских и ногайских татар и черкасов;
- на территории фронта существовала особая система сторожевой и станичной службы;

- базой для заселения и освоения фронта служила система укреплений, защищающая пограничную территорию, создававшаяся государством;

- на новых землях практически не было местного оседлого населения;

- служилое население преобладало над прочими категориями населения, а среди владельцев поместий и вотчин преобладали мелко-поместные и беспоместные служилые люди.

А.В. Головнев обратил внимание на то обстоятельство, что использование понятия «фронт» применительно к России и Сибири всегда нуждается в разъяснении и сравнении. По его мнению, понятие «украина» содержит в себе целый спектр значений, базовых для историко-антропологического изучения реалий российской колонизации, и в первую очередь следует осмыслить ее русский облик, а уже затем, сравнивать русскую «украину» и американский «frontier» [3, с. 532–533]. Исходя из этого посыла, можно отметить существенную разницу фронта и «украины». Для фронта характерна экспансия, постоянное поступательное движение вперед по освоению «диких» территорий. Российская «украина» – это не только «живая граница» с «варварским миром», перемещающаяся вперед по мере освоения территории, это определенное состояние, которое могло меняться в зависимости от складывающихся условий. Еще М.К. Любавский отметил изменение содержания термина «украина» в XVI–XVII вв. Изначально «украиной» в Литве и Польше называлась вся южная окраина обоих государств. Со второй половины XVI в. это название стало утверждаться за Киевским и Брацлавским воеводствами. После Деулинского перемирия 1618 г. данное наименование распространилось и на ту часть Чернигово-Северской земли, которая отошла к Польше от России и в 1635 г. образовала Черниговское воеводство [11, с. 335].

На южных окраинах России в XVI–XVII вв. в силу географических особенностей региона (лесостепь и степь), граница России была неустойчивой, в отличие, к примеру, от западных рубежей страны, где прочности обороны способствовало наличие естественных преград: рек, озер, болот и лесов. Днепро-Донская лесостепь, примыкавшая к южной окраине Руси, являлась объектом притязаний со стороны сразу нескольких держав: Российского царства (с 1547 г.), Речи Посполитой и Крымского ханства. В итоге, взаимодействие земледельческого населения, прибывавшего сюда из центральных уездов страны, происходило не только с кочевым татарским миром, но и с населением Великого княжества Литовского (затем Речи Посполи-

той), которое по своему цивилизационному укладу было достаточно близко российским подданным. Специфический уклад пограничной жизни привел к складыванию особого сообщества, однако это сообщество не только вписывалось в систему достаточно жесткой российской государственной власти (при всех своих вольностях и сложности управления им), но и существенно влияло в определенные периоды на развитие центра. Самым ярким проявлением данного обстоятельства является Смута начала XVII в., когда фактически «украины» распространили свой стереотип поведения на всю страну. С другой стороны, после Смуты алгоритм территориального управления сложившийся на «украинах», основанный на наделении воеводы всей полнотой власти в уезде, постепенно распространился на всю страну.

Высказанные замечания дают основания говорить о том, что при изучении и описании колонизации Юга России XVI–XVII вв. целесообразно использование категории «украина». Вместе с тем, наличие сопоставимых процессов, проявившихся при продвижении европейцев в Северной Америке и россиян в Сибири, а также на южном и примыкающих к нему направлениях, позволяют проводить сравнительный анализ, и в этом случае категория «фронт» будет вполне уместной, особенно, при изложении на английском языке.

1. *Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтов. М., 2005.
2. Американский и сибирский фронт (Американские исследования в Сибири. Вып. 2). Томск, 1997.
3. *Головнев А.В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015.
4. *Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Конкретно-историческое обоснование расчета значений управляющих факторов динамики южнорусского фронта в XVII – середине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10.
5. *Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Моделирование исторической динамики южнорусского фронта. XVII – первая половина XIX вв. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, технологии, методы. Специальный выпуск. Материалы XIV конференции ассоциации «История и компьютер». М., 2014. Вып. 41.
6. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
7. *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
8. *Замятина Н.Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5.
9. *Канищев В.В.* Пространственное представление движения южнорусского фронта в середине XVII – середине XIX вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.
10. *Каппелер А.* Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках //

- Ab Imperio. 2003. № 1.
11. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
  12. *Мизис Ю.А., Кащенко С.Г.* Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2011. № 1.
  13. *Мизис Ю.А., Папков А.И., Скобелкин О.В.* Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10.
  14. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993.
  15. *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
  16. *Скобелкин О.В.* «Украины» Разрядной книги 1475–1605 гг. // Российская история. 2015. № 5.
  17. *Скобелкин О.В.* Служилые «немцы» в военных действиях на территории южного фронта (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10.
  18. *Скобелкин О.В.* Служилые люди южного фронта: особенности земле-владения, земельной и сословной политики государства во 2-й половине XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2013. № 1.
  19. *Скобелкин О.В.* Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2011. Вып. 18.
  20. *Скобелкин О.В.* Уездные элиты южного фронта России во 2-й половине XVII века: некоторые вопросы методики исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2015. № 1.
  21. Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1991. Вып. 17.
  22. *Соболева Т.Н., Бобров Д.С.* Современная российская историография концепции фронта // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1(72).
  23. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сборник статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012.
  24. *Тернер Ф.Д.* Фронт в американской истории. М., 2009.
  25. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
  26. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. общее и особенное. Новосибирск, 2001–2003. Вып. 1–3.
  27. *Хромых А.С.* К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронт» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сборник материалов III Региональной молодежной научной конференции. Новосибирск, 2009.
  28. *Шиловский М.В.* Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3.

29. *Khodarkovsky M.* Russia's steppe frontier. The making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis, 2002.
30. *Khodarkovsky M.* Taming the «Wild Steppe»: Muscovy's Southern Frontier, 1480–1600 // *Russian History / Histoire Russe*. 1999. Vol. 26. № 3.
31. *Shaw D.J.B.* Southern Frontier of Moscow 1550–1770 // *Studies in Russian Historical Geography*. London; New York, 1983. Vol. 1.